

Новости

иностранной литературы

ВЫПУСК 2

1

9

О'ГЕНРИ

ЦЕНА ОДНОГО ДОЛЛАРА

(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО)

Л. И. Бестон

ПРЕДАТЕЛЬ

* * *

РОМАНЫ ГИТЛЕРА

Ж. Мерлен

РЕВАНШ

Джордж Фрошли

ШЕСТНАДЦАТЬ НОЧЕЙ МИСТРИС ОРХАРД

Судья американского участкового суда дистрикта, что лежит вдоль границы Рио-Гранде, однажды утром нашел между своей почтой письмо следующего содержания:

— СУДЬЯ!

Когда вы меня отправляли на четыре года, вы держали речь. Среди других бранных эпитетов, вы назвали меня гремучей змеей. Возможно, что это и так,—во всяком случае вы сейчас слышите, как я гремлю. Через год после того, как я попал за железные гардины, умерла моя дочь,—Ну, люди говорили, что это была нищета и стыд вместе. У вас есть дочь, судья, и я хочу Вас познакомить с чувством потерять ее. И я укушу того участкового прокурора, который говорил против меня. Сейчас я на свободе, и мне кажется, что я действительно превратился в самую настоящую гремучую змею. Во всяком случае, я себя такой чувствую. Не хочу много болтать, но вы слышите, как я гремлю. Держитесь, когда я укушу!

Уважающий вас:

Гремучая Змея.

Судья Дервент равнодушно отбросил письмо в сторону. Для него не были новостью послания такого сорта, которые он получал от людей, отправленных им, силою его служебных полномочий в тюрьму. Он не испытывал никакого беспокой-

ства. Однако, несколько позже, он показал письмо Литльфильду, молодому участковому прокурору, ибо имя Литльфильда было упомянуто в угрозе, а судья любил быть точным в отношениях с себе подобными.

Литльфильд ответил на угрозы презрительной усмешкой, однако лоб его слегка нахмурился при упоминании о дочери судьи, ибо он и Нанси Дервент осенью должны были пожениться.

Литльфильд отправился к письмоводителю и проглядел с ним акты. Вместе они пришли к убеждению, что письмо написано было Мексико Самом, контрабандистом-полукровкой, который четыре года тому назад, за убийство в драке, был приговорен к тюремному заключению.—Потом служебные дела вытеснили эту историю из головы Литльфильда, и угроза мстительной «Гремучей Змеи» была забыта.

Суд заседал в Броунсвиле. В большинстве случаев дела, разбираемые им, касались контрабанды, фальшивомонетчества, нападений на почтовые отделения и незаконных переходов границ. Одно дело касалось молодого мексиканца Рафаэля Ортица, который был пойман в тот самый момент, как он пробовал пустить в ход фальшивый серебряный доллар. Ортиц давно уже подозревался в отклонениях с пути истинного, но только на этот раз его удалось застукать на горячем. Вскоре он уже был водворен в тюрьму, где покуривал свои коричневые сигареты и ожидал допроса. Килпатрик, один из шерифов участка, принес фальшивый доллар и передал его прокурору. Он и всеми уважаемый аптекарь могли присягнуть, что Ортиц хотел заплатить этим долларом за бутылку лекарства. Монета была весьма жалкой подделкой, мягкая, тусклого цвета и сделана была главным образом из свинца. Все это случилось за один день до того утра, когда дело Ортица должно было предстать перед судом.

«Пожалуй не стоит приглашать ученых экс-

пертов, чтобы доказать, что монета фальшива, не так ли, Килл?» — улыбнулся Литльфильд, бросая доллар на стол, где монета звенела не звонче слитка олова..

«Можно считать, что мексиканец уже за решеткой,» — сказал Килпатрик, передвигая кобуру револьвера поудобнее: «Он у вас полностью в руках. Если бы это случилось только один раз — эти мексиканцы не всегда умеют отличить хорошие деньги от фальшивых; но этот желтый негодяй принадлежит к шайке фальшивомонетчиков, я это знаю. Это первый раз, что я его накрыл при работе. У него есть девушка, там, у реки, в мексиканских бараках. Однажды я ее видел, когда наблюдал за Ортицем».

Литльфильд сунул фальшивый доллар в карман и вложил свои заметки о деле Ортица в конверт. В эту минуту в дверях появилось веселое, смеющееся девичье лицо, и в комнату вошла Нанси Дервент.

«О, Боб, правда ли, что заседание перенесено на завтра?» — спросила она Литльфильда.

«Да» — отвечал прокурор: «И я весьма рад этому. Мне нужно просмотреть кучу актов и..».

«Ну, да, это очень на тебя похоже! Я удивляюсь, как это вы с отцом не превратились еще в своды законов или же в судебные папки. Я хочу отправиться с тобой после обеда стрелять перепелов. Прерия кипит ими. Пожалуйста, не говори: нет! Я хочу попробовать свою новую двухстволку. Я уже послала в конюшню, чтобы нанять для охотничьего экипажа Фли и Бесс; они при стрельбе стоят так смирно! Я была уверена, что ты поедешь со мной!»

Осенью они должны были пожениться. Поэтому перепела выиграли день у переплетенных в телачью кожу фолиантов. Литльфильд начал убирать свои бумаги. В дверь постучали. — «Войдите!» В комнату вошла красивая, черноглазая девушка,

кожа которой слегка отливала лимоном. На голове ее была, небрежно наброшенная, черная шаль.

Она начала говорить по-испански — быстрая, жалобная струя меланхолической музыки. Килпатрик стал переводить по частям речь девушки Литльфильду, не понимавшему по-испански, время от времени поднимая руку, чтобы сдержать поток слов.

«Она пришла, чтобы поговорить с вами, мистер Литльфильд. Ее зовут Попа Тревинас. Она хочет говорить с вами о...—Ну, она связана с этим самым Рафаэлем Ортицем. Она его...—Ну, она его девушка. Она говорит, что Ортиц невинен. Она говорит, что она сделала монету и подбила Ортица пустить ее в ход. Не верьте ей, мистер Литльфильд. Они уже так устроены, эти мексиканские девушки: они врут, воруют или убивают для какого-нибудь прохвоста, если влюбятся в него. Никогда не верьте женщине, которая влюблена!»

«Мистер Килпатрик!»

Возмущенный возглас Нанти Дервент заставил шерифа потратить минуту на всевозможные уверения и извинения, после чего он продолжал переводить дальше.

«Она говорит, что готова сесть вместо Ортица в тюрьму, если только вы его выпустите на свободу. Она говорит, что она была смертельно больна лихорадкой, и доктор сказал, что без лекарства она должна будет умереть. Только поэтому Ортиц хотел уплатить в аптеке фальшивым долларом. Она говорит, что он хотел спасти ей жизнь. Она, видно, сильно влюблена в этого Рафаэля, «all right»; в ее болтовне целая куча всякой ерунды о любви и тому подобных вещах, что вы, безусловно, не желаете слушать.»

Для прокурора все это было старой историей.

„Скажите ей, что я ничего не могу сделать. Дело будет разбираться завтра утром, и Ортицу придется отвечать перед судом“.

Нанси Дервент не была так закалена. С со-

страдательным интересом она смотрела то на девушку, то на Литльфильда. Килпатрик перевел девушке слова прокурора. Тихим голосом она произнесла еще одно или два предложения, потом опустила шаль на лицо и покинула комнату.

«Что она ответила?»—спросил прокурор.

«Ничего особенного», отвечал Килпатрик: Она сказала: если жизнь той... дайте-ка подумать, что это значит—*si la vida de ella aguien tu amas*.

„Если жизнь девушки, которую ты любишь, когданибудь будет в опасности, тогда вспомни о Рафаэле Ортице!“

Килпатрик вышел из комнаты и направился в контору.

«Может, ты, все же можешь что-либо для нее сделать, Боб?» спросила Нанси: «Такая мелочь, какой-то фальшивый доллар, — уничтожает счастье двух жизней! Она находилась же в смертельной опасности, и он сделал это, чтобы спасти ее. Неужели закон не знает сострадания!?»

«Состраданию нет места в юриспруденции, Нан»,—отвечал Литльфильд: «Я обещаю тебе, что мое обвинение не будет слишком острым, но его можно считать осужденным. Свидетели присягнут, что он дал фальшивый доллар, который в настоящий момент находится в моем кармане, как, «вещественное доказательство № 1». Присяжные—не мексиканцы, и они осудят Ортица, не покидая своих мест для совещания».

* * *

Из-за волнений охоты дело Рафаэля Ортица и горе Попы Тревенас были скоро забыты. Прокурор и Нанси Дервент проехали три мили по ровной, поросшей травой, дороге и свернули прямо через степь на узкую полосу кустарников на берегу реки Пиедра. По другую сторону реки лежала прерия, любимое местонахождение перепелов. Приближаясь к реке, они услышали справа галоп ло-

шади и увидели черноволосого мужчину с темно-коричневым лицом, который скакал в направлении леса. По всей вероятности он обогнал их сзади.

«Я уже видел где-то этого типа», — сказал Литльфильд, обладавший прекрасной памятью: «Только не помню—где? Очевидно какой-то фермер, который сокращает дорогу домой».

Они провели час в прерии, стреляли с повозки перепелов. Нанси Дервент, хорошая спортсменка, была удовлетворена своим новым ружьем. Она уложила только на две пары меньше, чем ее спутник.

Легкой рысью они отправились домой. Когда до реки осталось не более ста метров, из кустарников вынырнул всадник и поскакал прямо на них...

„Он выглядит так же, как тот, что попался нам по дороге сюда“, — заметила мисс Дервент.

Когда расстояние между ними уменьшилось, прокурор вдруг резким движением остановил лошадей. Приближающийся индивидуум вытащил из чехла винтовку Винчестера и перебрросил ее через руку.

«Теперь я тебя узнаю, Мексико Сам», — проворчал Литльфильд про себя.

Мексико Сам не заставил долго сомневаться в его намерениях. У него был немалый опыт в обращении с огнестрельным оружием, и когда он почти достиг границы достигаемости дробового ружья, он приложил свой винчестер к плечу и открыл беглый огонь. Первая пуля попала в спинку сидения, как раз между плечом Литльфильда и щекой мисс Дервент. Вторая—слегка оцарапала руку Литльфильду.

Прокурор поспешно вытащил Нанси из повозки на землю. Она была слегка бледна, но не задавала вопросов. Она обладала инстинктом границы, который принимает любое положение без излишних дискуссий. Они схватили свои ружья, и Литльфильд спешно достал из бумажной коробки

под сиденьем несколько горстей патронов и распи- хал их по карманам.

«Держись за лошадьми, Нан»,—крикнул он: «Э тот тип—бандит, которого я однажды упрятал в тюрьму! Теперь он пытается со мной сосчитаться. Он знает, что на этом расстоянии наши выстрелы не могут ему повредить».

«All right, Боб», сказала Нанси стойко: «Я не боюсь. Только ты тоже подойди поближе ко мне. Хо, Бесс, стой теперь тихо!» Она погладила гриву лошади. Литльфильд стоял с ружьем наготове и молил Бога, чтобы контрабандист подъехал на расстояние выстрела.

Однако Мексико Сам преследовал свою Вендетту в пределах безопасности. Его верный глаз очертил воображаемую черту вокруг зоны досягаемости охотничьего ружья, и вдоль этой границы он и галопировал. Он свернул свою лошадь вправо, и когда его жертвы поспешили перебежать на другую сторону своего живого бруствера, пуля пробила шляпу прокурора. Во время таких передвижений он, однажды, просчитался и перешел границу. Сейчас же заговорило ружье Литльфильда, и Мексико Сам согнул голову под свист безобидных свинцовых зернышек. Несколько из них кольнули его коня, и он поспешил ускакать за пояс безопасности.

Контрабандист продолжал палить. Нанси слегка вскрикнула, и испуганный Литльфильд увидел кровь на ее щеке.

«Я не ранена, Боб, меня зацепил маленький осколок. Я думаю, он попал в колесо.»

«Боже!»—простонал Литльфильд: «Если бы у меня был хоть один заряд картечи!»

Негодяй придержал коня и старательно прицелился. Фли захрапела и повалилась на землю, пораженная в шею. Бесс, выведенная из заблуждения и понявшая, что охотятся не по перепелам, порвала упряжь и ускакала прочь. Мексико Сам прострелил охотничью куртку Нанси. «Ложись, ло-

жись!»—заорал Литльфильд: «Ложись за лошадь, прижмись к земле!—Вот так!»—Он притиснул ее к земле за спину упавшей Фли. Странно, в этот момент он вспомнил слова мексиканской девушки: «Если жизнь девушки, которую ты любишь, когда-нибудь подвергнется опасности, вспомни Рафаэля Ортица.» Литльфильд внезапно вскрикнул.

«Открой огонь по нем, Нан, через спину коня! Пали так часто, как только можешь! Ты не можешь ему повредить, но удержи его на минуту, пока я попробую привести в исполнение маленький план!»

Нанси быстро посмотрела на Литльфильда и увидела, что он вытащил карманный нож и раскрыл его. Потом она отвернулась, чтобы повиноваться приказу и открыть беглый огонь по врагу.

Мексико Сам терпеливо ожидал, пока прекратится эта безвредная канонада. У него была масса времени, и он совсем не желал рисковать получить случайную дробинку в глаз, если без этого можно было обойтись. Он надвинул свою тяжелую шляпу глубже на глаза, пока не прекратились выстрелы. Тогда он немножко приблизился и старательно взял на мушку то, что можно было взять от его жертв. Они не шевелились. Мексико Сам заставил лошадь сделать еще несколько шагов вперед. Он видел, как прокурор приподнялся на одно колено и задумчиво приложился. Контрабандист опять натянул глубже шляпу и спокойно ожидал заряда безобидных дробинок.

Гулко бухнул дробовик. Мексико Сам вздохнул, схватился за грудь и медленно свалился с коня—мертвая «Гремучая Змея».

* * *

На другое утро заседал суд по делу: Соединенные Штаты *versus* Рафаэль Ортиц. Прокурор, с рукой на перевязи, поднялся и обратился к суду.— «С разрешения суда», сказал он: «В этом

случае я хочу взять свое обвинение обратно. Хотя обвиняемый и виновен, но правительство не имеет налицо необходимых доказательств, чтобы осудить его. Фальшивая монета, на наличии которой было построено все дело, как вещественное доказательство, в настоящий момент находится за пределами нашей досягаемости. Поэтому я прошу прекратить дело».

Во время обеденного перерыва в кабинет прокурора зашел Килпатрик. «Был сейчас внизу чтобы взглянуть на старину Мексико Сама,»—сказал он: «Вы его здорово щелкнули! Наши мальчишки страшно удивляются, чем вы его, собственно, уложили. Некоторые говорят, что это должно быть были гвозди. А я еще не видел штук, которые вылетают из ружья и делают такие дырки.»

«Я застрелил его», ответил прокурор, «Вещественным доказательством № 1» — из вашего процесса с фальшивомонетчиками. Большое счастье для меня и еще для кого-то другого, что монета была так плохо сделана! Ее можно было прекрасно разрезать на картечные куски. Скажите-ка Кил, не смогли бы вы сходить к баракам и разузнать, где живет эта мексиканская девушка? Мисс Дервент хотела бы это знать».

Л. И. Бестон

ПРЕДАТЕЛЬ

(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО)

Лайнгар нетерпеливо отдул в сторону дым сигары Вильямса.—«Волтурно запаздывает,»—заметил он с беспокойством.—«Запаздывает почти на пятнадцать минут. Это мне совсем не нравится.

— «Чтобы быть точным — на 12 минут»,— поправил Бродье:—«Он придет. Однако, я нахожу, что в этом проклятом бюро чертовски холодно».— Он подбросил в огонь несколько кусков угля.— «Хозяин не любит, чтобы в это время топили. Довольно глупо, что Волтурно назначил нам свидание только в десять часов».

Лайнгар поднял руку:—«Мне кажется, я слышу его шаги»,—заявил он.

Бродье остался стоять с поднятой над огнем правой ногой; Лайнгар держал руку поднятой; Вильямс склонил голову на плечо и прислушивался.

Трое мужчин находились в большой конторской комнате, под крышей одного из зданий вблизи Тоуэр Хилла. Посреди комнаты стоял длинный стол и четыре обтянутых кожей кресла. В одном из углов находился американский письменный стол, в

другом—старая пишущая машинка, а на стене висел телефон. Единственное окно комнаты выходило в узкую шахту, образованную стенами четырех домов. В это время шахта казалась темной дырой, ибо было уже поздно. Сто семнадцать ступенек лестницы, ведущей вниз, отмечали еще три этажа, в которых находились тоже только различные бюро. Однако, владельцы этих контор уже довольно давно разошлись по домам, и портье со своей женой уже успели подмести и убрать комнаты.

Бюро, в котором трое мужчин ожидали четвертого, имело двери, сделанные наполовину из железа, наполовину из матового стекла, с табличкой, на которой стояло: «Бродье и Ко. Агентство.»

«Ты прав»,—сказал Вильямс после небольшой паузы:—«Это Волтурно».

Сильная рука нажала на ручку двери, и в комнату вошел мужчина. Его резкий взгляд скользнул по остальным трем. «Хорошо»,—сказал он:—«Все в сборе. Меня задержали на несколько минут».

Он не принес никаких особых извинений и говорил в повелительном тоне. Короткое, толстое пальто вошедшего, плотно облежавшее его широкие плечи, было насквозь мокро. Он снял шляпу и стряхнул с нее капли дождя.

«Воды достаточно, чтобы утопить акулу»,—заметил он.

Остальные не отвечали, с ожиданием глядя на вошедшего. Он снял свое пальто, взял небольшой столик, стоявший около окна и придвинул его к огню.

„Ну, приступим к нашему совещанию“,—сказал он:—«Здесь теплее, на столик мы можем положить наши бумаги и заметки и к тому же, когда мы сидим близко друг к другу, нам не нужно громко говорить».

«Нет никакой опасности говорить громко»,—заметил Лайнгар:—«Во всем доме, кроме портье, нет ни души».

Лайнгар имел странную привычку во время разговора шмыгать носом и усиленно моргать глазами.

„Есть хорошие новости, Волтурно?“—спросил Бродье и, сняв очки, стал протирать толстые круглые стекла носовым платком.

«Хорошие или плохие, но я чувствую, что у Волтурно в запасе что-то особенное»,—сказал Вильямс и задымил изжеванным окурком своей сигары.

«Это так же верно, как то, что наша вывеска «Агентство»—неправильное название для нашей деятельности»,—ответил Волтурно:—«Прежде всего, о деле, которое свело нас здесь вместе: бриллианты герцогини Клейпольской. Ее высочество появится завтра на балу в Доуерстрит, и все ее драгоценности будут сверкать на ней. Мне пришлось основательно поработать, чтобы достичь этого; больше того, я почти что ответственен за этот бал. Наш план хорош: он более блестящ, чем сами драгоценности. Спешное известие вызовет герцогиню домой, авто ее по дороге испортится, наше авто стоит наготове. Все весьма просто, ибо каждый уголок этого предприятия отшлифован нашим совместным разумом. Сам план, как обычно, творение Скаррса, которому мы обязаны созданием нашей маленькой системы, лучшими делами «Агентства Бродье и Ко»... Каждый из нас знает свою роль. Ну, сегодня мы сошлись снова, чтобы еще раз обсудить дело, еще раз взвесить всякий риск».

«Ты говоришь, как член парламента, Волтурно»,—сказал Лайнгар, моргая.

„Поджидая тебя, мы уже немного говорили на эту тему»,—заметил Вильямс:—„Кажется, все в порядке“!

Волтурно откинулся назад и гневная улыбка приподняла его маленькие черные усики:—«Кажется?»—повторил он:—«Да, „кажется“ это верное слово. Ибо в действительности наш план лопнул, как перекаченная шина; и это еще не самое худшее»!

В наступившем молчании он вытащил узкую

полоску бумаги.—Эту шифрованную записку прислал мне Скаррс. Бродье, прочти ее и передай другому.

Бродье стал читать. Для этого ему не понадобилось и минуты.

—«Проклятье»!—вскипел он.

На протяжении этой минуты Волтурно, подавшись вперед, впивался в него пронзительным взглядом, как бы желая прочесть самые тайные мысли Бродье. Потом он спокойно сказал:—«Передай ее Лайнгару»!

Бродье повиновался и снова стал взволнованно протирать очки.

Лайнгар скользнул глазами по таинственным строчкам. Потом он поднял голову и встретил взгляд Волтурно.

«Это ошибка! Я готов поклясться, что это ошибка»!—вскричал он взволнованно.

„Твоя очередь, Вильямс“,—сказал Волтурно и также и в этот раз его глаза устремились на читавшего со все той же неумолимой остротой.

Вильямс присел. Его лицо побагровело, и он поднял кулак, чтобы с размаху опустить его на стол, однако сдержался. — «Если Скаррс говорит, что это так, то это и есть так, думается мне»,—заметил он спокойно и запыхтел своей сигарой.

Волтурно положил руки на стол.—«Я получил это известие от Скаррса полчаса тому назад»,—сказал он задумчиво:—«И я вижу, что вы все прекрасно поняли записку. Скаррс извещает нас, что один из нас перекинулся на сторону полиции. Он говорит, что у него нет ни времени, ни желания передавать в этой шифрованной записке свои предположения и расследования. Но он также говорит, что совершенно уверен в своей правоте. Скаррс никогда не стал бы утверждать ничего подобного, если бы это было не так. Он считает, что смог бы разузнать и имя шпиона из нашей среды, но до сего времени у него нет прямых доказательств. Он предостерегает нас. Это весьма порядоч-

но со стороны Скаррса. И мы ему весьма благодарны за это, т. е. трое из нас благодарны ему. Похоже, что трое из нас стоят на краю пропасти. Это состояние дальше продолжаться не может, не так ли? План, из-за которого мы здесь собрались—разрушен. Герцогиня Клейпольская может оставить при себе свои бриллианты и быть проклята! Но это теперь неважно. Нам следует заняться более серьезным делом, джентльмены. Сегодня ночью и здесь, в этой комнате, мы должны открыть зло и искоренить его. Ясно ли это?»

«Ясно, как день»,—сказал Бродье и надел очки.

«Непременно»,—подтвердил Лайнгар и зашмыгал носом.

«Укажи нам путь для этого, Волтурно»,—сказал Вильямс и зажевал свою сигару.

Волтурно медленно поворачивал свое лицо от одного к другому:—«Это не легко и это ужасно, ужасно! Один из нас, тех которые сидят здесь, перекинулся на сторону полиции, либо чтобы спасти свою жалкую шкуру, либо за деньги. И этот один из нас—предатель! Вопрос стоит так—кто он? Лайнгар, ты ли это?»

«Безусловно, нет».

«Вильямс, ты ли это?»

«Нет, Волтурно?»

«Бродье, ты ли этот мерзавец?»

«Я готов поклясться, что это не я».

«Значит, остаюсь я сам»,—мрачно продолжал Волтурно:—«Я думаю, меня вы можете исключить. Если бы я был предателем, я бы вряд ли открыл карты; с этим вы должны согласиться».

„Признаю“,—сказал Лайнгар.

«Ясно, что ты бы промолчал»,—согласился Вильямс.

«Ты оправдан, Волтурно»,—сказал Бродье.

«Ну, хорошо. Тогда остаются трое из нас. Лучше, но все еще трудно. Одно лишь ясно, как апельсин: мы отомстим! Предатель из нашей среды

больше не покинет этой комнаты. Что он успел рассказать полиции, мы не знаем. Если мы его заставим замолчать, мы, может быть, уменьшим опасность, но, может быть, и увеличим. Несмотря на это, мы отомстим. Мы найдем его, здесь и сейчас. Мы загоним ему пулю в сердце, и все, что от него останется, вышвырнем за окно. Согласны ли вы со мной“?

Все были согласны с Волтурно.

«Возможно, что это займет у нас всю ночь, возможно, что и весь завтрашний день. Но мы не покинем этого места. И это к лучшему, ибо это принуждает нас действовать немедленно“!

После этой речи, Волтурно вытащил из кармана револьвер с длинным, вороненым стволом. Он положил смертоносную вещь перед собой на стол и покрыл ее своими большими руками. Три пары глаз мрачно опустились на револьвер и снова уставились в его серьезное, неподвижное лицо. Последовала длинная пауза. Все непрерывно смотрели на Волтурно. Они были готовы подвергнуться расследованию и ждали в глубоком, напряженном молчании. Слышен был лишь шум дождя за окном в ночи.

Наконец, Вильямс решился открыть рот.

«Есть ли у тебя что-нибудь в кармане, Волтурно»?

«Как это понимать»?

«Нет ли у тебя в запасе какой-нибудь информации, которая могла бы помочь нам в этом расследовании»?

„Ни малейшей. Все, что я знаю, вы прочли в письме Скарса“.

«Как же мы сдвинемся с мертвой точки»?

«Я начинаю. Сначала допросим тебя, Вильямс. Предал ли ты нас? Ты ли шпион среди нас? Твоя ли жизнь, что погаснет прежде, чем мы покинем эту комнату? Этот вопрос ты должен выдержать. Ну, у тебя есть аргумент, который говорит в твою

пользу: ты уже провел один или два года в тюрьме, в Индиане».

«Ты это считаешь в его пользу».—спросил Бродье.

«Мне так кажется».

«И почему?»

«Потому, что тот, кто уже побывал в огне, уже не так боится тюрьмы, как тот, кто ее еще не знает. И, к тому же, полиция неохотно применяет, как шпиона, того, кто уже сидел. Я не говорю, что она этого вообще никогда не делает, но она делает это неохотно. Мы переходим к тебе, Лайнгар».

„Хорошо, вперед“,—и Лайнгар ускоренно заморгал и зашмыгал.

«Тебя заподозрить нелегко”—продолжал Волтурно:—„Человек с университетским образованием, занимающий высокое положение среди избранных четырех сотен, не захочет отдавать себя и свои дела в руки полиции. Он будет чувствовать, что он сам всегда будет оставаться на подозрении, даже если он и предаст своих товарищей. И если из такого подозрения вытечет хоть месяц, хоть день тюрьмы, то и он, и его положение в обществе навеки потеряны. И таким человеком являешься ты, Лайнгар. Это мы должны засчитать в твою пользу».

«А что со мной?—сказал Бродье и поправил свои очки:—„Я не сидел в тюрьме. И я не ужинаю с герцогами и герцогинями“.

„Совершенно верно“,—ответил Волтурно мрачно:—«И против тебя, Бродье, тот факт, что ты женатый человек и имеешь детей. Тебе подобный очень легко может подвергнуться панике и помчаться в Скотланд Ярд. И все же, я очень сомневаюсь, что ты выкинул этот подлый номер. Вместе со Скаррсом, ты наивнейший. Все мы можем припомнить историю со смарагдами Эверсэла, когда ты нас всех спас от верной поимки. Нет, я не знаю почему, мы должны именно к тебе относиться с особым подозрением, Бродье».

„Я клянусь, что я искренен,“—ответал Бродье с нервной усмешкой,

«Все мы клянемся»,—проворчал Вильямс.

«Все это не сдвинуло нас с места ни на сантиметр»,—сказал Лайнгар:

„Кроме...»

«Кроме чего?»

«Я считаю, что Скаррса мы не должны подвергать следствию“.

„Глупый вопрос. Ответ точно тот, который я привел для своей защиты; если бы Скаррс нас предал, он бы не стал нас предупреждать“.

Вильямс выплюнул кусок сигары:—«Тогда я не вижу...“

«Тихо, во имя неба!..“—прошептал Волтурно и поднял руку. Все окаменели. Прошло полминуты. Ничего не произошло.

«Ты что-нибудь слышал»?—спросил Бродье, серый, как зола.

«Кто-то за дверьми»,—ответил Волтурно едва слышно.

Едва он успел это произнести, как раздался стук в двери, запертые Волтурно.

„Поздно“,—прохрипел Лайнгар:—„Все конечно. Предатель среди нас назначил арест на сегодня“!

Стук повторился, громкий и повелительный.

«Полиция!»—простонал Бродье, бледнее обычного:—«Кто откроет?»

«Оставаться на местах!»—предостерег Волтурно и молния сверкнула в его глазах: — „Если это полиция, то лишь тот среди нас, кого мы ищем, будет хотеть открыть дверь, чтобы немедленно очутиться под защитой полицейских. Этого не должно быть! Я выберу сам“.—И его повелительные темные глаза снова скользнули от одного лица к другому.

Стук уже походил на гром.

Волтурно сказал: — «Вильямс, ты откроешь дверь»!

Вильямс глубоко вздохнул; потом встал, повернул ключ и отворил.

Бродье разразился истерическим смехом. За дверями стоял портье.

„Прошу прощения, джентльмены“,—бормотал он:—„Я сначала слушал, и так как все было тихо, то я подумал, что вы уже ушли“.

—„Ладно, старина“,—ответил Волтурно.

«Я хочу наполнить угольные ведра»,—оправдывался портье:—„Если ваше уже пусто, то я могу его захватить с собой“.

«Хорошо, берите. И оставьте его снаружи. Мы не хотим, чтобы нам мешали».

Портье удалился с ведром, и Волтурно снова запер дверь.

«Ложная тревога»—сказал он гневно:—„Продолжим“.

И он снова сел на свое место у стола.

Лайнгар, нервы которого дрожали, заметил:—«Надо скорее закончить. Мы не можем здесь оставаться целую ночь».

„Мы не уйдем отсюда, пока не найдем предателя и не уберем его“,—сказал Волтурно непоколебимо:—«Терпение. Я чувствую, что мы его добудем».

„А мне кажется, что мы в тупике“,—сказал Вильямс.

„Подумай и ты о выходе“,—отвечал Волтурно:—„Ведь не у одного же меня голова на плечах“. Он взял отливающий синим блеском револьвер и взвесил его на руке.—«Я повторяю, этот револьвер закроет сегодня ночью одному из нас рот навеки. Вот ключ и он остается у меня».

„Не ошибся ли Скаррс“?—было следующим замечанием, которое сделал Бродье. Немедленно глаза Волтурно направились на него. — «Разве Скаррс такой человек, который бы передал подобное известие прежде, чем был бы уверен в его правильности»?

«Нет... Нет...»—забормотал Бродье, боясь воз-

будить против себя подозрение: — «Этого я не думаю. Я беру мое замечание назад».

Вильямс с яростью оттолкнул стул, заложил большие пальцы рук за проймы жилета и заходил взад и вперед по комнате, ожесточенно жуя свою сигару и, видимо, пытаясь найти выход из создавшегося тупика. Он подошел к окну и уставился в мутное стекло, на котором отражалось его собственное отображение. С проклятием нетерпения он распахнул окно, чтобы глотнуть немного свежего воздуха. Он не видел, как Волтурно подался вперед, не слышал тихо брошенного Бродье:— „Внимание“!

Дождь стучал в темноте непрерывно, равномерно. Вильямс глубоко вздохнул, положил руку на подоконник и заглянул в пропасть глубиной в сто футов. Почувствовав капли дождя на своей голове, он снова выпрямился, чтобы закрыть окно. Одновременно он вынул окурочек сигары изо рта и сделал движение рукой, желая выбросить его из окна.

«Стой!»

Голос Волтурно, повелительный и резкий, как удар хлыста, заставил его молниеносно обернуться, словно за его спиной выстрелили из пистолета. Он увидел направленные на себя горящие глаза, бледные и угрожающие лица и моментально все понял.

«Ах, вот в чем дело»,—сказал он тихо, но совершенно спокойно:— „Вы думаете, что я хотел дать сигнал? Я все понимаю, но все неправы. Моя сигара не горит уже минут десять, посмотрите сами“.

Он положил изжеванный окурочек на стол для общего осмотра.

«Согласен»,—заявил Волтурно и бросил остаток сигары в огонь:— «Самое лучшее, если ты будешь сидеть на месте, Вильямс. Ты видишь, на какой шаткой почве мы стоим. Малейшее движение может возбудить подозрение».

За дверью слышались шаркающие шаги

портье, и затем стук ведра, поставленного им около двери.

Лайнгара прорвало:—«Мерзавец»!—И затем, будто ему пришла в голову новая мысль:—«Я думаю, это, ведь, не он»!?

—«Успокойтесь»,—ответил Волтурно:—Это я уже проверял. Он то, чем он кажется—портье».

Бродье, который уже несколько раз открывал и закрывал рот, как-бы желая что-то предложить, заметил:—«Я бы с удовольствием сделал одно предложение, если бы не боялся возбудить против себя подозрение».

—«Выкладывай! Мы его обсудим»,—успокоил его Волтурно.

«Дело в том...»—говорящий колебался и бросил мимолетный и мрачный взгляд на револьвер, наполовину покрытый рукой Волтурно:—«Но я не хочу, чтобы вы меня неправильно поняли».—Он колебался.

—«Говори свое предложение»!—повторил Волтурно.

«Ну, оно звучит так»,—выпалил Бродье:—„Так как имеется мало надежды найти шпиона между нами, я считаю, что мы должны дать ему шанс спастись; мы дадим ему срок—всего несколько минут—чтобы самсму сознаться. И мы дадим ему наше слово, что мы его не уьем, если он признает свою вину. Тогда мы, по крайней мере, будем знать свое положение и мы сможем его заставить тем или иным образом молчать, пока сами не спасемся».

«Ба! Он не поверит нам»,—издевался Лайнгар.

«К чорту! Что-нибудь да должны же мы предпринять»!—вскричал Вильямс:—„Легко сказать, что мы здесь будем сидеть до бесконечности! Тем или иным способом мы должны найти какой-то выход»!

Волтурно бросал мрачные взгляды то на одного, то на другого.—«Вы забываете, что мы здесь для того, чтобы отомстить»,—отвечал он упрямо.

„Вы говорите о своем спасении?! А если подлое дело уже слишком далеко зашло?! Я, со своей стороны, не вижу возможности спасения. Проклятый пес, может быть, дал уже точные приметы каждого из нас. И если полиция нас до сих пор еще не схватила, то это, может быть, лишь потому, что она хочет застать нас на горячем, на исполнении того плана, от которого мы должны были сегодня отказаться. И все же мы последуем твоему предложению, Бродье. Я даю предателю среди нас три минуты. Пусть признается! И я обещаю ему, что он живым покинет это здание—что однако не означает, что мы его позднее не накажем“.

И Волтурно вытянул из кармана часы и положил их на стол.

„Три минуты“,—повторил он: — «И ни одной секундой дольше»!

Срок спасения начался. В глубоком молчании слышно было тиканье часов.

„Одна минута прошла“,—сказал гневно Волтурно.

Никто не решался пошевеливаться из страха, что его движение может быть понято, как импульс для признания.

«Две минуты»!

Казалось, тиканье ускорилося... все скорее... время летело...

„Господи, хоть бы он сознался и наступил бы конец всему этому“—вскричал Вильямс.

Никто не ответил ему. Тишина становилась давящей.

«Три минуты! Срок кончился»!—объявил Волтурно. Он взял часы со стола и снова прикрепил их к золотой цепочке.

Лайнгар потерял самообладание:—„Я говорю прямо, что это больше, чем мои нервы могут вынести. Мы не найдем этого прохвоста, до каких бы пор мы здесь не сидели. Ведь он знает, что у нас нет никаких доказательств“!

«Ни малейших»,—ответчал Волтурно и в голосе его слышался угрожающий глухой тон.

«Но как же, чорт возьми!...»

Внезапно все почувствовали толчок, показавший всю неимоверность общего напряжения. Причиной был резкий звонок телефона.

Волтурно первый вскочил со своего стула. Он оставил револьвер лежать на столе и схватил трубку. Он назвал свое имя и, казалось, кому то отвечал:—«Да... да».—Потом он повернул голову и посмотрел на остальных.

«Это Скаррс»,—сказал он тихо, но так, чтобы все могли слышать.

Все напряженно смотрели на него. Он продолжал говорить дальше и в друг вскрикнул сдавленным голосом:—«Что?!»—После этого Волтурно повесил трубку и обернулся к остальным. Его голос звучал звонко, как горн.

«Скаррс открыл его. Он назвал мне его имя!»

Не успел смолкнуть еще этот возглас триумфа, как Вильямс отбросил свой стул и схватил револьвер. Он отскочил назад и крикнул:

«Руки вверх! Дело идет о жизни! Первый, кто ко мне приблизится—мертвец!»

Голос Волтурно отвечал холодно и строго:—«Выслушайте меня», крикнул он, прежде чем остальные успели придти в себя:—«Слушайте меня! Это звонил не Скаррс. Это была моя экономка. Я с ней точно договорился о минуте, когда она должна будет мне позвонить. Это был трюк, и он удался. Вон стоит проклятый предатель—он сознался!»

Вильямс ревел, как безумный:—«Мне нет до этого дела! Проваливайте, или я стреляю!»

Волтурно разразился ужасающим смехом:—«Стреляй, стреляй же—револьвер не заряжен!»

Трое мужчин бросились на Вильямса. Топот ног, дикое хрипение, окно распахнулось; полузадушенная мольба о пощаде, потом отчаянный крик и глухой удар тела глубоко вниз о камни мостовой.

РОМАНЫ ГИТЛЕРА

Парижский еженедельник «Катр э труа» сообщает новости интимной жизни Адольфа Гитлера, базируясь, в частности, на словах жены бывшего государственного секретаря Райха—Отто Мейсснера. Она утверждает, что у жены нацистского министра пропаганды—Магды Геббельс был сын от Гитлера, Гельмут, погибший вместе со своими официальными родителями в бомбоубежище под имперской канцелярией в конце апреля 1945 года.

Фрау Лей, жена руководителя немецкого рабочего фронта; киноартистка Лидия Барова, которая прошла до этого через объятия Геббельса; Лени Рифенсталь и, наконец, Магда Геббельс, жена его первого помощника, вышедшая замуж «по любви»—это лишь весьма небольшой список, к которому можно прибавить много имен, закончив их законной женой Гитлера на час—Евой Браун.

Магда Геббельс выросла в почтенной еврейской семье Фридландер, любила читать Шиллера и боготворила Моцарта. Ее глубокие и живые глаза, как и прекрасный цвет волос блондинки, тронули сердце богатого фабриканта, по имени Квандт, который и женился на ней в 1931 году. Магда Квандт ни в какой степени не интересовалась политикой, еще меньше она знала о национал-социалистической партии, если не считать мелодию известной песни—„Хорст-Вессель“, которую в это время уси-

ленно распевали, маршировавшие при всяком удобном случае отряды СА.

Но на ее горе или счастье, однажды ее приятельница потащила ее на собрание нацистов, где должен был говорить доктор Геббельс. Геббельс был некрасив, но умел нравиться, и когда, после собрания, Магда попросила свою подругу познакомиться ее с пылким оратором, этот последний смог очаровать ее, и их встречи стали после этого довольно частыми.

Скромная и хозяйственная Магда изменилась. Очень скоро она бросила своего мужа и двух детей и перешла жить к своему любовнику.

Почтенный Квандт шумно протестовал против этого нарушения его семейного счастья, но успехи национал-социализма в январе 1933 года заставили его замолчать: Геббельс посадил назойливого мужа в тюрьму, под видом противника режима и выпустил его лишь после внесения бедным Квандтом шести миллионов штрафа и развода с Магдой.

С этого момента перестала существовать скромная буржуазная Магда, и появилась блистательная фрау Геббельс, жена почти всемогущего министра Третьей Империи.

Геббельс принимал много. Гитлер часто бывал у своего министра и не мог не заметить эту очаровательную женщину, украшавшую вечера своей красотой и умом.

Очень музыкальная, Магда услаждала Гитлера исполнением его излюбленных произведений.

Но играла ли она эту роль по приказу своего циничного мужа, или же она хотела отомстить своему, ставшему особенно неверным, мужу, после того, как ему было предоставлено право вести дела германского кинематографа,—это останется тайной навсегда.

Во всяком случае, одним теплым вечером, летом 1934 года, когда она была на берегу Балтийского моря в имении своего мужа Хеллингендамм,

фрау Магда Геббельс упала в объятия Адольфа Гитлера...

За три года скромная фрейлейн Фридландер поднялась по всем ступенькам иерархической лестницы любви и стала любовницей самого сильного лица в Германии.

Гитлер часто навещал ее, так что вскоре тайна их стала раскрываться перед посторонними глазами. Результатом этой связи было то, что Магда родила в марте 1935 года сына, которого назвали Гельмутом.

Гитлер очень любил ребенка и никогда не забывал день его рождения, засыпая его разными подарками. Когда он появлялся в доме Геббельса, то первым его вопросом было:

«Где Пушхен?»

Любовь Магды и Адольфа продолжалась еще несколько месяцев—то в Берлине, то в Хеллингендамме, то в Оберзальцбурге, где Гитлер свил себе орлиное гнездо.

Но вскоре Гитлер увлекся другими женщинами, которых ему усердно поставлял Геббельс, единолично распоряжаясь в немецком кинематографе и имея, таким образом, полную возможность „влиять“ на благоволение артисток.

Первой в списке стоит Лидия Барова, дорого обошедшаяся самому Геббельсу, перенесшему из-за нее весьма неприятные минуты от известного артиста Густава Фрелиха.

Фрелих, муж Лидии Баровой, застал Геббельса в спальне жены, стрелял в него из пистолета и ранил. Фрелих был спасен от возмездия, благодаря заступничеству Геринга, давнего врага Геббельса, этого „хромого карлика“. В берлинских кабаре куплетисты играли словами „фрелих“—радостный,—что тоже кое-кому из них стоило ареста. Затем следовали Лени Рифенсталь, Женни Юго, фрау Беллер, жена руководителя немцев за границей, и много других.

История с Женни Юго довольно заниматель-

на. Когда роман у Геббельса с Женни Юго был в самом разгаре, одна подпольная германская радиостанция сообщила:

Алло! Алло! Магда Геббельс! Хотите ли вы знать, где проводит время, и особенно ранние утренние часы, ваш муж? Спросите об этом у молодой и красивой Женни Юго! Она наверно это хорошо знает!

Гитлер узнал эту историю, позвал Геббельса и заставил его представить ему Женни Юго, которая вскоре разделила участь Магды Геббельс и других.

А Магда? Разочарованная в своем муже и любовнике, она нашла себе утешение в лице одного адъютанта своего мужа, жила с ним Шеваненведер и имела от него ребенка. Она даже хотела развестись, но Гитлер категорически запретил...

Много других женщин прошло через жизнь Гитлера. Лишь один его частный секретарь, штурмбаннфюрер Ханс Линге, знает им счет и их имена. Он отмечал все частные свидания своего шефа. Иногда инициалы в его записной книжке следовали в часовой хронологии. И к каждой заметке прибавлялось магическое слово: „приват“.

Одно событие в интимной жизни Гитлера остается до сих пор неразгаданным.

На восточном фронте было найдено помещение главной квартиры Гитлера—целый подземный город, в котором было много помещений, носящих имена их владельцев. Здесь были имена Гитлера, Кейтеля, Гимmlера, генерала Шмундта, адъютанта Гитлера, и других. Но на одной из дверей было прикреплено короткое имя «Ольга».

Кто была эта Ольга? Откуда она прибыла? Никто этого не знал. Черный автомобиль время от времени въезжал в главную квартиру, в машине виднелся силуэт женщины. Лишь один Шмундт имел право встречать эту таинственную женщину в отсутствии Гитлера.

Однажды вечером, маршал Кессельринг — че-

ловец открытый и экспансивный, живший в то время в соседнем замке, неблагоразумно заявил, что пора открыть секрет этой женщины.

— Я займусь этим делом,—заметил Кессельринг.

В тот же вечер, во время ужина, большая тяжелая люстра упала на стол, за которым сидел Кессельринг, разбила его тарелку и чудом не разможила его голову.

— Меня больше не интересуют никакие Ольги на свете,—заявил весь побледневший Кессельринг.

После окончания войны было много слухов о том, будто знаменитая кинематографическая артистка, Ольга Чехова, играла важную роль и даже была награждена советским орденом и званием героя Советского Союза за то, что, как сообщила одна миланская газета, она была настоящей победительницей при Сталинграде. Однако, кроме слухов, ничего больше не известно по этому поводу. Фактом остается лишь послевоенное награждение Чеховой. Ольга Чехова имела раз весьма бурный, разговор с Геббельсом, когда она отвергла его ухаживания, за что была снята на год с кинематографического репертуара. Но известно также и то, что на новый год, как и на другие праздники она получала на свою виллу в западной части Берлина большие и дорогие подарки от Гитлера, который, видимо, не разделял «антипатии» своего министра пропаганды.

Была ли эта таинственная Ольга—Чехова или же какая либо иная, до сих пор остается тайной, которую может открыть лишь сама Ольга Чехова, если она выскажется по этому вопросу. Но до сего времени она молчит, и никто даже не знает, живет ли она в своей вилле в Берлине и действительно ли она сыграла таинственную роль в победе под Сталинградом...

Что же случилось с детьми Гитлера?

Судьба одного из них—сына Магды Геббельс—известна. Что же касается остальных, то до сих

пор, еще не определено, существовали ли они, и если существуют, то где находятся?

В июле 1945 года Эрик Весслон, атташе шведского посольства в Берлине, имевший возможность быть в тесной связи со многими немецкими дипломатами, заявил, что от Евы Браун у Гитлера было двое детей—мальчик и девочка, и что эти дети находятся где-то в южной Баварии. Эти сообщения были подтверждены Хельгом Клинтберн, другим скандинавским дипломатом.

Взволнованный Интеллидженс Сервис бросился на розыски пятилетнего мальчика и четырехлетней девочки. Однако, без результатов.

Допросили придворного фотографа Гитлера—Гоффмана, так как в декабре прошлого года нашли в Тегернзее фотографию Гитлера, играющего с одним ребенком. Однако Гоффман категорически заявил, что Гитлер никогда не имел от Евы Браун детей.

И хотя розыски натыкались на бесконечные противоречия, они продолжались.

Положительно известно, что 9 апреля 1945 года, когда Берлину уже угрожала непосредственная опасность, Гитлер покинул столицу, отправившись в неизвестном направлении. Известно лишь, что он провел три дня в Баварии перед тем, как вернуться в Берлин.

Известен также рассказ Гвина Левис, корреспондента «Сэндей Экспресс», который утверждает, что 25 апреля 1945 года жена известного помощника Гитлера—Мартина Бормана—находилась в Берхтесгадене вместе с группой в 15 человек детей высших сановников Райха, откуда она бесследно исчезла вместе со всеми детьми. Были ли среди них и дети Гитлера, остается невыясненным.

Многочисленные слухи распространились особенно сильно в первые месяцы после окончания войны. По одним из них жена Бормана покончила жизнь самоубийством в окрестностях Зальцбурга и была похоронена в Цель-ам-Зее. Немедленно были

предприняты меры—могила разрыта, но найденный труп принадлежал одной домашней работнице из соседнего села. Тайна остается неразгаданной, а фрау Борман с 15-ю детьми—бесследно исчезнувшей.

Но лишь только при условии, что мы допустим правильность официальной версии о смерти Гитлера и семьи Геббельса в бомбоубежище в Берлине, мы можем согласиться с фактом, что первый сын Гитлера от Магды Геббельс—Гельмут—погиб. Ему теперь было бы 13 лет. Тело его не было найдено. Не нашли также и второго сына и дочь Гитлера от Евы Браун. Живы ли они или фанатичные последователи Гитлера убили его детей?

Эта тайна остается еще не раскрытой.

Ж. Мерлен

Р Е В А Н Ш

День уже клонился к вечеру, когда Жак Дюваль, известный писатель и издатель, закончив свою работу и собираясь уходить, услышал звонок телефона. Досадливо сдвинув брови, он взял трубку:

«Слушаю, в чем дело?»

«Со мной говорит издатель «Экрана»? — произнес мелодичный женский голос.

«Несомненно; что вам угодно?»

«Видите ли», — голос прервался: — «Дело в том, что мое сообщение несколько необычно и не может быть сделано по телефону. Я только хотела поставить вас в известность, что вам угрожает опасность. С вами говорит друг, могущий предотвратить несчастье. Приходите сегодня в 9 часов в квартиру 17 по Авеню Сен Жермен 25. Вы убедитесь, что мной руководит желание спасти вас. — Дюваль поморщился: — «Я очень сожалею, что невольно причинил вам хлопоты. Я очень благодарен. К сожалению, мое время строго рассчитано, и я не смогу приехать по указанному адресу». — «Как хотите». — Голос потерял свою мягкость: — «Во всяком случае, я считала своим долгом предупредить вас. Прощайте. Вы скоро вспомните о нашем разговоре, но, пожалуй, будет поздно».

Дюваль положил трубку. День был испорчен. Благодушное настроение хорошо поработавшего и предвкушавшего отдых человека исчезло бесследно. Нелепость анонимного разговора злила и раздражала любопытство.

Садясь после обеда в автомобиль, Дюваль нащупал в боковом кармане холодную сталь Кольта и вместо того, чтобы ехать, как обычно, в клуб, дал шоферу адрес—25 по Авеню Сен Жермен. Лимузин беззвучно покотился по ночным улицам.

Отпустив шофера домой, Дюваль бросил взгляд на фасад дома и стал подниматься по лестнице, досадуя на потерянный вечер. „Однако, романтика и авантюра менее заманчивы в жизни, чем в свете зеленого абажура кабинета“, — подумал он. На его звонок дверь открылась почти тотчас же. Знакомый уже Дювалю голос воскликнул:—«Заходите, наконец-то. Я знала, что вы рассудительны и придете».

Небольшой будуар тонул в голубом свете японского фонарика. Мягкие кресла, пуфы, цветы в высоких вазах, спущенные маркизы на окнах.—«Садитесь, вот папиросы».—Дюваль зажег папиросу и подумал, что при других условиях вечер мог бы оказаться приятным. Хозяйка была стройна и пикантна, нежная кожа светлой блондинки отливала перламутром.

«Я знаю, вы ждете моего объяснения»,—произнесла она улыбаясь:—«Но мы не потеряем времени, если выпьем по чашке чая».

Она подкатила маленький столик, на котором был сервирован чай. Дюваль подумал, что при всяких обстоятельствах присутствие женщины обязывает к учтивости и взял предложенную чашку.

«Ваша последняя вещь мне очень понравилась»,—заговорила хозяйка — «Вы положительно растете».

Дюваль отхлебывал чай и терпеливо ждал, когда она перейдет к цели его визита. Как бы в ответ на его мысли она начала:

«Так вот, м-сье Дюваль, дело в том, что ваши литературные успехи, ваше имя, ваше положение, наконец, давно обратили мое внимание...»

Дюваль допил чай и откинулся на спинку кресла. Пропитанный духами, теплый воздух комнаты, резко пахнувшие цветы, крепкий чай вызвали у него сердцебиение, голова кружилась, лоб покрылся испариной. — «Простите», — перебил он ее: «Мне душно. Может быть вы поднимете штору, тут жарко».

«Значит, уже так скоро», — произнесла она глухим голосом, впиваясь глазами в побледневшее лицо журналиста.

«Что уже? Что вы хотите сказать?»—с трудом произнес Дюваль, похолодев от смутной догадки.

«Сидите тихо, не делайте лишних движений: это съэкономит ваши силы... Я налила вам в чай яду, ваши минуты сочтены. Яд подействует через десять минут».

Лицо Дюваля покрылось смертельной бледностью.

«Безумная!»—закричал он: — «Вы заманили меня сюда, чтобы отравить. Но какая вам от этого польза?...»

„Успокойтесь. Каждое движение сокращает минуты вашей жизни. У вас ровно столько времени, чтобы узнать правду. Все очень просто. Я поставила себе целью стать женой Жака Дюваль. Я знала, что вы не женитесь на женщине без денег и связей. Поэтому я выбрала такой путь. Я шла на верняка“.

«Какое безумие!»—прохрипел Дюваль.

«Если вы согласны подписать наш брачный договор, который у меня заготовлен, я дам вам выпить противоядия, оно нейтрализует яд, и мы повенчаемся. У вас остается еще пять минут. Вам, может быть, не безынтересно узнать, что я увлечена вами, вы мне определенно нравитесь».

«Довольно, скорее! где этот договор?...»

Она пододвинула ему бумагу. Дюваль, дер-

жась левой рукой за сердце, которое стучало, как набат, выхватил свое вечное перо и подписал договор.

«Готово! скорее, скорее, время истекает»!

Она медленно отсчитывала капли в бокал, наполненный светлой жидкостью.

«Пейте. Так. А теперь выпьем шампанского. Это подкрепит ваши нервы. Так. Теперь вам лучше? Пульс стал ровнее. Вы спасены».

Бережно свернув контракт, на котором отчетливо красовалась подпись Дюваля, молодая женщина заперла его в бюро. Дюваль, щеки которого вновь покрылись краской жизни, возбужденный выпитым шампанским, обнял очаровательную победительницу и наполнив стаканы, предложил тост за ловкость и дипломатичность.

„Видишь ли, милый“, — шептала она, ласкаясь к Жаку: — «Женщина всегда хитрее мужчины в делах Гименея. Никакого яда, ты, конечно, не пил. Я просто подлила тебе в чай немного никотинной кислоты, и это вызвало сердцебиение, а мои слова довершили эффект».

«Плутовка!» — отвечал Дюваль, целуя свежую щечку: — «Все прекрасно кончилось и мы проведем чудесный вечер».

Когда на следующее утро счастливая мадам Дюваль открыла бюро, чтобы насладиться видом брачного договора, документ чуть не выпал из ее рук.

На бумаге стоял только текст написанного договора. Подпись Дюваля исчезла бесследно. Свою вечную ручку Дюваль наполнил, на всякий случай светочувствительными чернилами.

Джордж Фрошли

ШЕСТНАДЦАТЬ НОЧЕЙ МИСТРИС ОРХАРД

Когда пассажиры поднимались на борт «Генерала Морриса», никто не обратил внимания на стройную даму в красноватом ватерпруфе и черной вуали на светлых волосах, которая быстро взбежала по крутому трапу и немедленно исчезла во внутренности судна. В списке кают-пассажиров стояло, что она занимала кабину № 320 на Б-деке до Рио-де-Жанейро и называлась: Мрс. Джейн Орхард. Однако, как уже было сказано, никому не пришло в голову заняться одиноко путешествующей очаровательной дамой, или хотя бы спросить ее, почему она среди лета едет в Бразилию. Второй офицер, встречавший пассажиров, почтительно отковырял ей, контролер бросил беглый взгляд на ее проездной билет и передал ее затем попечению одного из стюаров, который и поднялся с ней на лифте до Б-дека и проводил даму в занимаемую ею каюту.

Белокурая дама была лишь одним из многих, точнее, одним из ста восьмидесяти пассажиров первого класса, но молодой человек в светлом спортивном костюме, который взошел на борт не-

сколькими минутами позже, и которого сопровождал секретарь и камердинер, был личностью заслуживающей внимания. В момент посадки секретарь пытался отразить нападение двух репортеров, хотевших получить последнее интервью. Несмотря на все усилия, ему, однако, не удалось помешать репортерам, дерзко перебравшимся через заградительный канат, получить портрет его. Принципала на фотопленки.

Было 9 часов утра, и портрет молодого человека можно было видеть уже в обеденных изданиях газет: „Линкольн Луглин, единственный сын Бенджамина Ф. Луглин, покидает Англию, чтобы вести с правительством Бразилии для своего отца переговоры о займе“.

Да, такой важной особой был Линкольн Луглин, такие важнейшие проблемы должны были быть разрешены им, несмотря на то, что до сего времени он имел на своем счету лишь несколько славных успехов в теннисе.

Теперь, однако, его отец, великий Бенджамин Ф. Луглин, глава Банкового дома «Братья Луглин», ставил вопрос серьезно и командировал своего сына для решения более важных задач. Шесть лет он спокойно наблюдал, как его сын тратил свое время на теннисных кортах в Вимбледоне, на бегах в Аскоте и на гребных состязаниях в Хенлее, проводил ночи в ревю-театрах и ресторанах, и при всем этом в своих письмах придерживался мнения, что находясь на посту практиканта в банке Барклея, он приобретает массу полезных знаний. Наконец, все-же, Бенджамин Ф. Луглин нашел, что будущий глава величайшего частного банка в мире не может больше довольствоваться десятью фунтами месячного вознаграждения за свои заслуги у Барклея и принимать триста фунтов карманных денег, ежемесячно высылаемых ему отцом. Он телеграфировал: „Линкольн Луглин, 3. Монтагю Мансионс, Лондон В. Выезжай следующим парохо-

дом Рио-де-Жанейро, где получишь дальнейшие инструкции. Бенджамин Ф. Луглин“.

Таким образом Линкольн Луглин был втолкнут в жизнь. Только три дня оставались ему для того, чтобы распрощаться с Европой, распрощаться со своей молодостью. Он дал праздник своим друзьям в клубе и приказал как можно скорее сделать гипсовый слепок его тела, дабы дать возможность портным работать для него без личной примерки. Он сыграл последнюю бесконечную партию тенниса со своим тренером Франклином Треворром и сделал некоторым журналистам несколько туманных намеков по поводу своих бразилианских планов. Вследствие этого разговора бразилианские акции несколько поднялись в цене. И из всех трех дней он не провел ни часу с каким-либо существом женского пола.

Ибо, как это ни странно, женщины не имели в жизни двадцатилетнего Линкольна никакой роли. В великосветских колледжах он превратился в юношу, в клубах—в зрелого мужчину, вопросы спорта и моды живейше интересовали его, но его светского воспитания едва хватало на то, чтобы замаскировать презрение, которое он испытывал ко всему женскому.

Итак, он взшел на борт американского парохода „Генерал Моррис“ и первые три дня потратил на то, чтобы придать уют своей салон-кабине, для чего он употребил массу картин, спортивных призов и статуэток, взятых им в путешествие. Лишь только достигли южных широт, он приказал разбить на спордеке для себя палатку, в которой он проделывал свои гимнастические упражнения или просто мечтал часами, лежа на спине. В развлечениях, играх, танцевальных вечерах других пассажиров он не принимал участия; даже зал-ресторан посещал он весьма редко; обычно для него и секретаря накрывался стол в каюте.

Белокурая дама в красноватом ватерпуфе, который она, впрочем, уже давно сменила на шел-

ковое платье, тоже показывалась спутникам весьма редко.

Если бы кто-нибудь стал наблюдать за вышеупомянутой белокурой дамой, то он-бы мог легко составить себе мнение, что дама употребляет все усилия, чтобы оставаться незамеченной, не делать никаких знакомств, хотя ее чистый профиль, стройная фигура с летящей накидкой, были достаточно очаровательны, чтобы собрать вокруг себя толпу почитателей и поклонников.

Однажды утром — только что миновали Бискайский залив, и зеркально гладкое море искрилось в лучах утреннего солнца — она стояла одна на спордеке. До завтрака оставался еще добрый час. Другие пассажиры первого класса еще заканчивали утренний туалет в своих каютах, и только откуда-то издалека доносились голоса венгерских и словацких переселенцев. Белокурая дама облокотилась на релинг между двумя спасательными лодками; позади нее в легком ветре трепетала солнечная палатка Линкольна Луглин.

Она услышала шаги по железной лестнице, ведшей с дека для прогулок, обернулась и посмотрела прямо в глаза господину, вплотную подошедшему к ней. Это был мужчина лет тридцати в белом полотнянном костюме. Вежливо поклонившись, он спросил: „Мрс. Джейн Орхард?...“

Дама была, видимо, неприятно поражена. „Да, но...“ — сказала она и хотела отойти.

Однако господин в белом полотнянном костюме отрезал ей путь отступления и представился: „Мое имя Чарльз Ригдон...“

„Я думаю, мистер, что завтрак...“

„Нет, милостивая государыня, еще не звонили. У нас еще есть масса времени, чтобы поговорить друг с другом...“

„У меня нет времени!“

Попытка быть энергичной ни к чему не привела. «У вас должно быть время, милостивая госу-

дарыня. К сожалению, наш разговор никак нельзя отложить“.

Дама побледнела, на мгновение она растерялась, но затем, собрав все свои силы, воскликнула возмущенно: „Я не желаю с вами разговаривать, я не желаю ни с кем разговаривать! Потрудитесь оставить меня в покое“!

„К сожалению, моя профессия не позволяет мне последовать вашему приказанию, милостивая государыня“, отвечал Ригдон весьма спокойно. „Меня зовут Чарльзом Ригдоном, как я уже имел честь заметить, и я являюсь инспектором Сауптхемптонской криминальной полиции. Вот мое удостоверение.“

«Следовательно, вы говорите со мной, как должностное лицо... В таком случае я обязана вам отвечать...»—Мистрис Орхард рискнула на маленькую улыбку и попыталась обратить создавшееся положение в комичное.

Однако, полицейский инспектор оставался серьезным.

«Конечно, милостивая государыня, я говорю с вами, как должностное лицо. В противном случае, я никогда не осмелился бы сам бестактно представиться даме. Однако, некоторый факт, который мне удалось установить сегодня утром, принуждает меня к этому».

«Что же ужасного вы открыли?» — спросила дама, напрасно пытаясь придержать веселого тона.

«Я был сегодня утром в вашей каюте...» Мрс. Орхард громко вскрикнула: „Кто вам отворил?“

«Вот эта отмычка...»—Инспектор показал даме маленький блестящий предмет, висевший на его цепочке для часов. Прежде чем мрс. Орхард пришла в себя, он продолжал: «Она сослужила мне хорошую службу уже вчера, когда я, во время ужина, проник к вам и просыпал немножко пудры на край вашего туалетного столика. Вы были так неосторожны, что дотронулись до этого места, и

сегодня утром я нашел там точный отпечаток кончиков ваших пальцев. К сожалению нет никакого сомнения, милостивая государыня, что в списке пассажиров стоит не ваше настоящее имя...»

«Но у меня есть мои бумаги, мой паспорт и...»

Ригдон не дал закончить предложение.

«Паспорта бывают часто фальшивы, только отпечатки пальцев нельзя изменить. Для меня больше нет сомнения, что вы не мрс. Орхард, а мрс. Планиничь, урожденная Фротингам, которая шестого марта в Спалато убила своего мужа помещика Мариана Планиничча выстрелом в сердце. Югославские власти требуют вашей выдачи. К моему глубокому сожалению, я должен просить капитана немедленно арестовать вас».

Белокурая дама подняла левую руку, как бы для защиты от инспектора. Когда же он невозмутимо продолжал говорить, она опустила ее и склонила голову себе на грудь. Дедектив подошел к ней ближе, и она произнесла тихим голосом: «Да, была женой Мариана Планиничча».

Дедектив ожидал, что может быть, в замешательстве, за этим признанием последует признание в совершенном преступлении. Когда же он увидел, что ожидание напрасно, он решил: «Вы должны следовать за мной к капитану, который распорядится относительно всего дальнейшего.»

Так как женщина продолжала стоять без движения, он слегка коснулся ее руки и коротко приказал: «Идемте, мрс. Планинич».

Дама сделала несколько шагов, остановилась, осмотрелась вокруг и вскрикнула: «Нет!» Дедектив, видимо, опасался взрыва отчаяния: «Милостивая государыня...»

„Нет“—сказала она ясным голосом, внезапно опять весьма уверенно, как бы очнувшись:—«Нет, нет смысла, чтобы вы меня сейчас арестовывали, господин инспектор».

«Мой долг...»

«Я не требую, чтобы вы забыли ваш долг. Я мрс. Планинич и я застрелила моего мужа. Признаю и это. Но я не желаю, чтобы меня заперли в каюту, чтобы меня охраняли матросы. Это было бы бессмысленно...»

«Я не понимаю вас».

«Исполните мою просьбу: мы в открытом море. Вокруг нас лишь безбрежный океан, бежать я не могу. Лишь через шестнадцать дней наше судно достигнет Рио. Оставьте меня на это время мрс. Орхард, оставьте меня на это время свободной.

Ваш успех будет не меньше, если вы телеграфируете о моем аресте только в Рио, а у меня будет еще две недели свободы. Я не знаю, как осудят законы мой поступок, к скольким годам тюрьмы приговорят меня,—возможно, что я буду старой и безобразной, когда кончится срок моего заключения; дайте мне эту отсрочку!»

Несмотря на весь ужас признания, ее слова были полны желания жить! Мрс. Орхард была очень красива, когда она так говорила. Инспектор стоял колеблясь, наконец, отклонил: «Даже если бы я лично и был бы склонен исполнить вашу просьбу,—я не могу сделать этого. Ответственность, которую я беру на себя слишком тяжела!»

«Какая ответственность?»

«Бежать вы не можете, но вы можете...»

«Я не кончу самоубийством! Для этого я слишком люблю жизнь!» Глаза Ригдона твердо остановились на спокойном лице женщины: «Можете вы мне дать в этом свое слово, мрс. Орхард?»

«Мое слово британки, которой я рождена!»

Рукопожатие скрепило соглашение. Гонг позвал к завтраку; белокурая дама и господин в белом полотнянном костюме разошлись в разные стороны и покинули спордек.

Не приходится отрицать, что разговор между этими обоими лицами слегка отдавал мелодрамой. Однако он привел молодого человека, который находился в своей полотнянной палатке и оказался

невольным слушателем, в дико нервное состояние. С восходом солнца он вышел из своей каюты, чтобы проделать свои гимнастические упражнения. После этого он улегся на спину и, освежаемый ветерком, обвевавшим его голое тело, мечтал о том, как он на будущий год побьет в Вимбледоне великого Тоггле.

И вот, все перевернулось. Он присутствовал при борьбе, которая шла не за легкие триумфы спорта; женщина вела эту борьбу и была побита. Ей осталась только короткая отсрочка, которую она хотела использовать, чтобы заключить жизнь в последние объятия. Какая сила, какое выражение было в ее словах! С каким счастьем возьмет она на прощание дикое счастье и подарит его, она, никогда не знавшая границ, она, совершившая убийство»!

Впервые за много лет совершил Линкольн Луглин свой туалет без помощи камердинера и поспешил затем в зал-ресторан. Все его тело горело, словно он слишком долго лежал на солнце. Он отодвинул тарелку с омлетом, которую поставил перед ним кельнер, и искал глазами женщину, которую увидел на спордеке, когда ветер раздвинул на мгновение полотняные стенки его палатки. Вон там сидела она, в трех рядах от него, за столом второго офицера; ее волосы светились, казалось все лицо ее светилось. Молодому человеку показалось, что ее загорелое точеное лицо находится перед ним, ему показалось, что он почувствовал ее дыхание на своих губах. Как она улыбалась, передавая офицеру сахарницу, как неприятно сверкали белые зубы испанца, сидевшего рядом с ней. О чем она говорит с ним? почему он так смотрит на нее? может быть, он понимает обещание, заключенное в ее лучистых темно-синих глазах?

Молодой Линкольн пережил волнующие мучительные полчаса, сидя перед своей тарелкой с

омлетом. Еще более неприятные часы наступили, когда Джейн Орхард исчезла за дверьми своей кабины и до вечера осталась невидимой. Что она делала в эти бесконечно долгие часы? Оставили ли ее силы, забыла ли она обещание, данное полицейскому инспектору, лежала ли она, отравленная вероналом, в смертельной дремоте, боролась ли она с мыслями об ужасном конце, вела ли она одиноко последнюю борьбу... была ли она вообще одна?

Измученный этими мыслями, Линкольн бродил по всему судну. Перед каютой судового инженера он встретил второго офицера—это было успокоительно,—но где же торчал испанец? Он нашел испанца в баре в обществе малайского кофейного плантатора и перед батареей бутылок с виски, и облегченно вздохнул. Сразу же он стал опять волноваться за женщину, которая, конечно, конечно! уже покончила жизнь самоубийством. Инспектор тоже беспокойно бродил взад и вперед по коридорам, наблюдая за дверью № 320. Линкольну хотелось прыгнуть на него, схватить его за горло, задушить и, распахнув двери, крикнуть: «Вы свободны... Я освободил вас!» Но детектив уклонялся от встречи с ним, и Линкольн не мог подойти к нему вплотную.

Вечер принес избавление и новые муки. Почти последней прошла Джейн Орхард через ресторан к своему месту, и ее загорелое тонкое, очень серьезное лицо, под шлемом золотистых волос, было так прекрасно, что молодой человек искусал в кровь свои губы. Затаив дыхание, он наблюдал за игрой, которую она вела с испанцем и судовым офицером, как они болтали, смеялись и флиртовали. Уже Линкольн констатировал, что она высмеивала обоих мужчин, как она поднималась и шла с каким-нибудь танцевать на крытую веранду. Еще позже она отправилась с ними гулять на дек при свете луны. Линкольн, стоявший у релинга, все время слышал за своей спиной их шопот и

смех. Ожесточенно борясь со своей трусостью, он быстро обернулся, подошел к ним и проговорил: «Прекрасный вечер сегодня...» Затем он улыбнулся, как улыбается мальчик в смертельном замешательстве, и, собравшись с силами, попросил офицера: „Не желаете ли вы представить меня милоственной государыне“?

Испанец оскалил зубы, но второй офицер знал кто был Линкольн: сын Бенджамина Ф. Луглин, первого председателя паровой компании, которой принадлежал «Генерал Моррис». Он повинился, произвел церемонию представления и удалился вместе с испанцем.

При свете луны стояла Джейн Орхард перед Линкольном. Она прямо и спокойно посмотрела ему в глаза и сказала: «Voilà!»

Линкольну не суждено было узнать, что она хотела этим сказать. Он взял ее руку. На одно мгновение его опять охватило старое отвращение к гладкому женскому телу, но ее взгляд растопил все сомнения. Он хотел говорить, но смог выдавить из себя лишь несколько неуклюжих предложений о тропической ночи и прекрасном путешествии. Молча шагали они рядом, поднялись по железной лестнице и очутились на спордеке между двумя спасательными лодками. И там она спокойно и уверенно заключила его в свои объятия.

В ее сильных объятиях Линкольн превращался из мальчика в мужчину. Кровь его кипела, триумф опьянял его. Из добычи он превратился в охотника, не знающего сожалений.

Безразлично, в какую из ночей признался он Джейн, что знает ее тайну, безразлично, когда она, между объятиями и поцелуями, рассказала ему историю своего преступления. Она была дочерью владельца большого кино в Хамстедте. Восемнадцати лет ее выдали замуж за букмекера Орхарда. Два года спустя ее муж потерял на скачках в Аскоте, когда победила кобыла Миранда, все свое состояние и застрелился, в цилиндре и фраке, за

трибунами. Его вдова продала свои драгоценности и дом на Парламент Хилл, чтобы уплатить длинный список долгов, оставленный м-ром Орхардом. После этого она приняла место воспитательницы двух дочерей богатого аптекаря в Спалато. Мариан Планинич, помещик, бывал в этой семье. Он влюбился в красивую англичанку и сделал ей предложение, которое, после долгих колебаний и было принято.

Сразу же после свадьбы он снял маску и превратился в то, чем он был в действительности: в пьяницу и самодура. Много ужасного пришлось перенести Джейн до той мартовской ночи, когда она застрелила мужа, хотевшего натравить на нее собак. Час спустя она бежала и на второй день, воспользовавшись своим старым паспортом и замешавшись в группу туристов, перебралась через границу. В Вене она продала свадебный подарок Планиничча—жемчужное ожерелье—и направилась в Лондон, где и жила в течение нескольких недель. В конце июня она села на «Генерал Моррис», направлявшийся в Рио-де-Жанейро, чтобы переехать через океан и начать новую жизнь.

В горячую тропическую ночь рассказала Джейн своему любимому этот роман, содержащий все, что может глубоко потрясти сердце молодого человека и довести его любовь до всевозможных героических решений. Однако Линкольн Луглин, сын Беджамина Ф. Луглин, знал, что на свете существует лучшее оружие, чем меч и кинжал, и которое может спасти любимую им женщину. В день, когда «Генерал Моррис» пересек экватор, он подвинул свой шезлонг к креслу инспектора Ригдона, углубленного в решение какой-то замысловатой головоломки.

«Трудная задача»?—спросил Линкольн.

„Чертовски трудная!... Мучаюсь с этой штукой с самого Саутхемптона“.

Молодой человек вытащил бумажник, вынул оттуда чековую книжку, положил ее на колени и

сказал: «Я желаю чтобы известные задачи, вообще, оставались нерешенными...»

Глаза детектива оторвались от журнала, скользнули по лицу Линкольна и остановились на закрытой чековой книжке.

«У каждого своя слабость», сказал он: «Я, например, обожаю разрешать задачи».

„Я знаю... Но никто не может требовать, чтобы вы всегда находили решение...“

«На этот раз мне повезло, я уже нашел его».

«А что, если вы опять забудете его»? Правая рука Линкольна Луглин тяжело опустилась на чековую книжку на его коленях: „За это тоже иногда дают высокие призы“!

Инспектор оторвал свой взгляд от чековой книжки он обратил его к морю: «Я не понимаю вас, мистер».

Позднее, на высоте Памбуко, «Генерал Моррис» попал в шторм. Инспектор Ригдон неуверенно пробирался по то поднимающемуся, то опускающемуся корридору к своей каюте. Линкольн Луглин загородил ему дорогу. В руке он держал раскрытую чековую книжку, первая страница быстро пестрела цифрами и подписью.

«Свеженькая погода сегодня ночью, мистер инспектор», сказал он. „Да, мистер“.

Линкольн пошатнулся, ухватился одной рукой за стену, а другой поднес чековую книжку детективу под нос.

„Если пароход пойдет сейчас ко дну, то будет безразлично, решили ли вы вашу задачу или нет“.

„Он не пойдет ко дну...“

„Я знаю... я только предполагаю... Не было ли бы тогда безразлично, носил ли некая дама английское или же славянское имя“?

Инспектор молчал.

«Вы, что, не понимаете меня?... Не хотите понимать меня?»—спросил Линкольн настойчиво.

Глаза Ригдона скользнули по чеку и остави-

лись куда-то в сторону— «Я прекрасно понимаю вас, мистер...но вы недооцениваете меня».

Три дня спустя „Генерал Моррис“ вошел в гавань Рио-де-Жанейро, стал на рейде и бросил якорь.

Солнечный закат зажег море; в своем великолесьи поднимался прекрасный город за молами и набережной гавани. Пуская густые клубы дыма, к пароходу направлялся катер бразилианской полиции.

Хотя отсрочка, данная мрс. Орхард, и шла к концу, но она использовала ее, наполнила ее лучшим, что только может дать жизнь.—Ее дни и ночи были полны любви, любовь она подарила и разбудила, любовь, смешанную с чувством скорой разлуки, с чувством мук и призраком смерти. Она стояла в своем красноватом ватерпуфе, рядом с Линкольном Луглин у релинга. Полицейский катер причалил к бакборту.—Ах, это была трагическая, душераздирающая ситуация третьего акта.

Однако Линкольн Луглин не был бы американцем, если бы своевременно не позаботился о „happy end“. По радио он вызвал свою моторную яхту из Нью-Йорка, и вот уже она, белая, и стройная, бесшумно скользнула по тихим волнам и подвалила к „Генералу Моррису“. Три матроса закинули вверх веревочную лестницу, по которой Линкольн хотел нести свою любимую навстречу свободе.

В этот момент на деке послышались шаги. К ним спеша приближался мужчина в белом полотняном костюме. Инспектор Ригдон подошел к релингу, махнул матросам, немедленно втянувшим лестницу обратно, и произнес: «Великолепный закат, не правда ли?»

С легким криком Джейн ухватила за плечо Линкольна. Правая рука Линкольна скользнула в карман. Вытащил он, однако, не пистолет, чтобы путем кровопролития спасти любимую, но свою чековую книжку, из которой он вырвал листок

снабженный его подписью и цифрой, способной довести до головокружения любого, заботящегося о своей будущности.

„Прекрасный вид“, сказал он, потрясая листочком перед глазами детектива.

«Да, симпатичный вид»,—отвечал инспектор Ригдон, рассеянно взял чек и сунул его, комкая драгоценную бумажку, в карман штанов. Затем он отвернулся в другую сторону и с большим вниманием стал набивать свою трубку.

Матросы опять закинули лестницу. Несколько минут спустя, яхта „Диана“ описала большую дугу около полицейского катера и, с Джайн Орхард и Линкольном Луглин на борту, достигла гавани.

* * *

В следующие несколько недель у Линкольна Луглин была масса дел. Он должен был заботиться о том, чтобы отцовский банк заплатил его колоссальный чек, он должен был вести с бразильским правительством сложнейшие переговоры о займе в 30.000.000 долларов, он должен был вести какие-то приготовления к своей свадьбе и был в постоянной тревоге, что властям могут не понравиться бумаги его невесты.

Однако все разрешилось, как нельзя лучше. Никто не обратил внимания на удостоверение мрс. Орхард, никто не подозревал ее тайны. Венчание было произведено без затруднений, без того, чтобы какому-нибудь из репортеров удалось пронюхать, что мрс. Орхард, теперь мрс. Луглин, была когда-то госпожа Планинич. Наконец и Бенджамин Ф. Луглин дал молодой паре свое отцовское благословение после того, как Линкольну удалось добиться от бразильского правительства полупроцентного повышения в условиях займа.

* * *

Сцена действия—Париж; маленький бар на

Монпарнасе. За маленьким мраморным столиком сидит один англичанин с тремя французами. Они основательно выпили, знакомы друг с другом всего часа два, никто не знает; как зовут его соседа, но виски, коньяк и прекрасные водки «Pere Muo» развязали их языки, и англичанин рассказывает на ужасающем французском: „Тогда мне основательно невезло. На мою кухню больше не было никакой надежды. Ее муженек сыграл в банкрота и предпочел пустить себе пулю в лоб, вместо того, чтобы запутаться в неприятный процесс. После того, как все было продано с аукциона, она отправилась куда-то на континент, воспитательницей к двум балканским девочкам, однако через пару месяцев вернулась обратно, потому что не смогла дальше выдержать среди этих погонщиков баранов. Мы сидели совершенно на мели.

Однажды в Вимбледоне она видит какого-то, играющего в теннис, молодого парня и влюбляется в него не на жизнь, а на смерть. Я узнаю его имя: — он сын какого-то крупного зверя, который имеет больше миллионов, чем мы пенни. Но тут, ничего нельзя поделывать: женщинами он совершенно не интересуется.

Потом мы узнаем, что он собирается поплавать, отправиться на другую сторону света, скажем, в Южную Америку. Тогда Господь Бог посылает мне идею, чертовски хорошую идею! Мы наскребаем денег на билеты, садимся на то-же судно и притворяемся, что незнакомы друг с другом. Мальчик торчит целый день на деке в своей солнечной палатке, которую приказал разбить для себя лично. Однажды стоит моя кухня вблизи палатки, я подхожу к ней, представляюсь ей, как полицейский инспектор такой-то, и начинаю болтать о каком-то убийстве, которое она будто бы совершила где-то в Адриатике. Хочу ее арестовать. Она устраивает большой спектакль, умоляет меня подарить ей свободу до нашего прибытия в Рио.— Она, дескать, хочет насладиться жизнью... Последняя свобода...

Еще несколько дней счастья... Словом, все, как в кино. Мальчик попадает на эту уловку. Красивая женщина, убийца и, при том угнетенная невинность — конечно, он должен ее спасти. Он подкупает меня кучей долларов и смывается вместе с ней, трясясь от счастья и блаженства. Они даже поженились и живут до сегодняшнего дня в полном согласии.

Я отправился на Запад, чтобы вложить свои деньги. Сегодня не могу пожаловаться, я человек, имеющий долю во многих хороших вещах. Ну, у каждого свои дороги и свои привычки. Хороша историйка, не так ли?

«Кельнер, еще одну круговую для джентльменов!...»

Готовится к печати

Альманах для детей младшего возраста

„Вербочки“

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Находится в печати и на-днях выйдет в свет

ХУДОЖЕСТВЕННО ЛИТЕРАТУРНЫЙ

И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

„У ВРАТ“

Под редакцией А. И. МИХАЙЛОВСКОГО

Сдан в набор номер 1-ый

журнала для юношества

„РАЗВЕДЧИК“

Находятся в печати и выйдут в ближайшее время:

ЦЕНА

А. С. ПУШКИН. „Капитанская дочка“. **8 м.**

ПРОРОЧЕСКАЯ БЫЛИНА. (Как Святые Горы
выпустили из каменных пещер своих
русских могучих богатырей). **7 м.**

„У ВРАТ“. Литературно-худож. и, общ.-полит.
сборник, вып. 1-ый. **10 м.**

„РАЗВЕДЧИК“. Журнал для юношества, № 1. **5 м.**

Новости иностранной литературы

О'ГЕНРИ. Цена одного доллара.

Л. И. БЕСТОН. Предатель.

* * * Романы Гитлера.

Ж. МЕРЛЕН. Реванш.

ДЖ. ФРОШЛИ. Шестнадцать ночей
мистрис Орхард. **4 м.**

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ. „Соблазн зла“. (Судь-
бы России). **4 м.**

КНИЖКА МАЛЬШКЕ. Богато иллюстр. изд. **7 м.**

ДЕТСКАЯ АЗБУКА. Иллюстр. издание в 4-х
красках (огранич. тираж на лучшей ме-
ловой бумаге). **15 м.**

И. А. ГРЕБЕНЩИКОВ. „Необходимые сведе-
ния о святой литургии“.

Вышел из печати и поступил в продажу

ФЛИРТ ЦВЕТОВ

ИГРА ДЛЯ ВСЕХ

в специальной картонной упаковке.

Цена **10** марок.

